

УДК 93/94

DOI: 10.17223/19988613/67/8

С.В. Туров

ЗЕМНЫЕ И НЕБЕСНЫЕ ВСАДНИКИ ГРАДА БЕРЕЗОВА: К ВОПРОСУ О РОЛИ МИФОЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ АЗИАТСКОЙ РОССИИ (XVII – НАЧАЛО XX в.)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-19-50270.

Исследование имеет целью проследить формирование исторического самосознания населения азиатской России на примере одного из местных сообществ. Показана роль в этом процессе мифоэпической традиции. Выясняются источники и социальные факторы, обусловившие складывание соответствующих мифоэпических представлений. Религиозная (сакральная) составляющая самосознания рассматривается в аспекте этнокультурного взаимодействия. Показана устойчивость мифоэпических элементов общественного сознания на протяжении всего рассматриваемого периода.

Ключевые слова: Северное Зауралье; Русский Север; Ермак; казачество; фольклор; этнокультурное взаимодействие.

Еще в конце XIX в. в Березове бытовало предание о том, что среди основателей города (основан воеводой Н. Траханиотовым в 1593 г.) были казаки, пришедшие в Сибирь с атаманом Ермаком: Шах, Лях, Мещеряк и Оболта. От них вели свой род Шаховы, Мещеряковы и Оболтины (род Ляха якобы «искоренился») [1. Л. 70–71]. Кроме того, в XVII – начале XVIII в. на родство с ермаковскими казаками претендовали представители еще трех березовских фамилий – Михайловы, Пановы и Галкины [2. С. 82]. Мещеряковы, Михайловы и Пановы не могли быть потомками ермаковских атаманов Матвея Мещеряка, Никиты Пана и Якова Михайлова, поскольку они погибли еще во время сибирской экспедиции [3. С. 44, 53; 4. С. 50]. У остальных березовских «потомков ермаковых казаков» фамилии не свидетельствовали о причастности их предков к «сибирскому взятию». Стремление выдать себя за потомков сподвижников Ермака объяснялось тем, что признание властями происхождения от ермаковых казаков сулило преференции в продвижении по службе [5]. Сибирь в XVII в. заселялась выходцами с Русского Севера, Урала и Приуралья [6, 7]. Березов в этом отношении не был исключением [8. С. 309–311]. Места выхода березовских «потомков ермаковых казаков» ожидаемо обнаруживаем на Русском Севере. Пановы (Панковы, Паневы), Михайловы, Шаховы были зарегистрированы в XVII – начале XVIII в. в сельских населенных пунктах на территории нынешнего Коми края [9. С. 71, 74, 77–78]. Скорее всего, северорусские корни имели и Оболтины: Оболдашор – река в Республике Коми.

Таким образом, основой казачьих родословных была северорусская мифоэпическая традиция. Последняя Ермака и его сподвижников выводила с Северной Двины, Тотемской волости Вологодского уезда, владений Строгановых на Чусовой [10. С. 91]. За устными легендами последовало и местное (сольвычегодское)

летописание: «На Волге казаки, Ермак атаман, родом з Двины з Борку...» [11. С. 142]. Е.В. Вершинин подметил, что в Пинежском летописце героями «сибирского взятия» оказываются «атаманы казачьи Ермак Тимофеев да Арган Андреев». Реальный атаман Аргунов в Сибири впервые оказался с отрядом П. Горчакова, присланным на подавление восстания «остяков и самояди» в 1596 г. После подавления восстания Савва (Истома) Аргунов остается на службе в Березове [12. С. 271–272]. Таким образом, в Березове сложилась самая многочисленная группа «потомков казаков Ермака», но березовцы не были оригинальны в своих притязаниях. В Северном Зауралье обретались и другие претенденты на «патрицианское происхождение». Так, в 1640 г. в Сибирский приказ была подана челобитная сургутянином Кузьмой Васильевичем Горбуновым. Он ходатайствовал о повышении оклада. Проситель сообщил, что «служил... отец мой в Сибири с Ермаком с тех мест, как Бог поручил Сибирь под твою государеву руку» [8. С. 309]. Просьбу Горбунова удовлетворили, но насколько это решение было связано с его происхождением, сказать трудно.

Помимо конкуренции внутри «казачьего патрициата» была и другая причина для широкого распространения сказаний о потомках ермаковых казаков. В сибирских служилых в конце XVI–XVII вв. верстались ссыльные, люди гулящие и даже крестьяне. Обуславливалось это редкостью населения и одновременно большой потребностью в служилых. Данная практика была оставлена только в конце XVII в. Однако в старо-заселенных районах Западной Сибири уже во второй четверти XVII в. начинаются «разборы» с целью отставить от службы поверстанных из крестьян, посадских и гулящих людей и принять на их место детей служилых [2. С. 89–91]. В данной ситуации доморожденные родословные становились едва ли ни единственными аргументами для сохранения социального

статуса, а также превращались в фундамент формирования одного из элементов исторического самосознания сибиряков. Так, в Кунгурской летописи говорится, что после зимовки на Сылве некоторые казаки Ермака остались здесь жить [13. С. 313–314]. В.В. Блажес подметил, что это сообщение летописи позаимствовано из местных преданий. Предания о потомках ермаковых казаков бытовали на Сылве еще в конце XIX – начале XX в. Таковыми считали себя жители д. Ермаки и Кокуй, а рядом с д. Ермаки, в районе д. Петушки, в свое время якобы поселился «и разбоем кормился» один из бывших соратников Ермака – казак по прозвищу Петух [14. С. 20–21]. Чусовую также в свое время населили «потомки казаков Ермака», проживавшие здесь в начале XIX в.: «...в 30 верстах от Кыновского завода, подле Ермакова камня, есть гора Ермакова в пяти верстах от деревни Ермаковой... На вершине сей горы есть... вход в пещеру... Сказывают, что будто бы Ермак Тимофеевич, будучи в первый раз побежден вогуличами, скрывался в сей пещере с небольшим числом оставшегося у него войска» [15. Л. 300–301]. На Каме «ермаковские атаманы» Сокол и Петух основали соответственно с. Елово и д. Толстик [14. С. 56]. В верховьях р. Туры в конце XIX – начале XX в. располагалась целая россыпь деревень, якобы основанных ермаковцами: Красная горка (многие старожилы носили фамилию Ермаковы), Кордюкова (основатель – ермаков казак Кордюк), Рогозина (Рогозин), Лобанова (Лобанов), Дерябина (Дерябин). Город Верхотурье якобы постепенно вырос на месте, где Ермак Тимофеевич поставил свой дом [16. С. 121]. В Алапаевском районе Свердловской области находится д. Ермаки. Согласно местному преданию, основана она была двумя казаками Ермака [17. С. 49–50]. В Слободотуринском районе Свердловской области есть старинная д. Ермакова. Одна из распространенных в этой деревне фамилий – Ермаковы. В Таборинском районе Свердловской области стоит старинная д. Ермаково [17. С. 50–51]. Далее по маршруту сибирской экспедиции казаков в конце XIX в. считали себя их потомками жители д. Котино Тобольской подгородной волости [14. С. 73]. В Тобольском районе Тюменской области на р. Суклемке располагается старинное с. Ермаково. Наконец, недалеко от места трагической гибели славного атамана, близ устья р. Вагай, стояла д. Ермаки (в XIX в. – Ермакова, населенный пункт упразднен в 2014 г.), которая, согласно местному преданию, была основана казаками оставленного здесь Ермаком «дозора» [16. С. 118; 17. С. 52]. Гибель Ермака не стала препятствием для продвижения далее на восток мифотворчества «потомков ермаковых казаков». В Ишимском лесостепье, в Викуловском районе Тюменской области, по сей день стоит д. Ермаки [17. С. 52]. В Нарымском крае от сподвижников Ермака вели начало следующие деревни: «От Даура – Даурская, Голяша – Голошихина, Костаря – Костырева, Завьялова – Вялова, Толмача (переводчик был у Ермака) – Толмачево...» (предание записано в 1940-х гг.) [18. Л. 109].

В формировании сакральной составляющей исторического самосознания населения Северного Зуралья определяющее значение имел фактор этнокультурного

взаимодействия. Уже на раннем этапе колонизации края часть аборигенов инкорпорировалась в состав русского населения (смешанные браки, новокрещены): «Когда Ермак проходил, часть его людей оставалась – земли много. Чалдоны – помесь хантов и мансеев с донскими казаками... Чалдонских деревень, которые основал Ермак, много» (записано в с. Таборы Таборинского р-на Свердловской области в 1970-х гг.) [17. С. 63]. По меньшей мере трое «новокрещенов» уже в начале XVII в. проживали в Березове и возле него [19. С. 12]. Этнокультурное взаимодействие облегчалось тем обстоятельством, что значительная часть переселенцев с Русского Севера и Приуралья являлись представителями финно-угорских народов, а выдающаяся роль в этом миграционном потоке принадлежала коми [9. С. 98–108]. Обрусевшие коми (ижемцы, сысоличи, вымичи, лузяне, вилежане) составляли значительную часть первоначальников Березова [8. С. 309–312; 20. С. 78].

На первых порах этнокультурное взаимодействие принимало причудливые формы. Так, после смерти кодского князя Игичея Алачева святыня древней Коды – «Палтыш-балван» (богиня Калташ) был «взят на Березов в казну» [21. С. 183]. Обладание столь значимой реликвией прибавляло легитимности русскому владычеству, но находилось в противоречии с задачей христианского просвещения аборигенов. Иконы для реализации этой задачи были уместнее. Священники и миссионеры в XVIII–XIX вв. отмечали, что иконы были более понятны аборигенам, нежели проповедь [22. С. 32]. Согласно преданию, «ермаковы казаки» принесли в Березов иконы: «Архангел Михаил грозных сил воевода» (рис. 1) и святой Николай Мирликийский в образе «Никола Можайский» [23. С. 33].

Рис. 1 «Ермаковская» икона «Архангел Михаил грозных сил воевода» из Воскресенского собора г. Березова. Фотография начала XX в.

Кроме икон они якобы принесли в Березов знамя, на одной стороне которого был воспроизведен распространенный с XVI в. в русской иконописи сюжет «Дмитрий

Солунский поражает копьем хана Мамая». На другой стороне – изображение архистратига Михаила в том же, что и на упомянутой выше иконе, образе (рис. 2) [24].

Рис. 2. Березовское «знамя Ермака» в прорисовке М.С. Знаменского

Конечно, пришлое население в первую очередь следовало собственным предпочтениям. Чудотворец Николай – популярнейший святой Русского Севера. Он считался покровителем путников, мореходов, торговцев [25]. С теми же функциями и с той же высокой степенью популярности он был воспринят в Сибири. Здесь и сегодня как в музеях, так и в частных собраниях иконы св. Николая занимают по количеству второе место после икон Богородицы [26. С. 154]. Аборигенное население Сибири тоже выделяло «русского Бога Миколая» [27. С. 27]. Николай Мирликийский – единственный святой, приходивший обским уграм и самодийцам в видениях в образе «седого старика». Иконы

св. Николая можно было встретить в самых отдаленных кочевьях. Аборигены тундры приняли в свой оленеводческий хозяйственный календарь праздники, связанные с культом св. Николая (Никола вешний (9/22 мая) и Никола зимний (6/19 декабря) [28. С. 123–125].

Образ «Архангел Михаил грозных сил воевода» был избран березовцами в качестве палладиума также неслучайно. Архангела Михаила на Русском Севере, а позднее в Сибири почитали повсеместно [29, 30]. Представления о могущественном небесном заступнике широко бытовали в служилой среде Русского Севера. Двадцатыми годами XVII в. датируется так называемый «Великоустюжский сборник заговоров», в основ-

ном его составляют заговоры от вражеского оружия. А.А. Турилов и А.В. Черницов считают, что владельцем сборника был «профессиональный колдун... выходец из демократической части войска» [31. С. 70]. В подавляющем большинстве текстов сборника упоминается архангел Михаил. В народном сознании бытовало убеждение об особом покровительстве архангела Михаила ермаковскому воинству. Так, наверняка из устных преданий, в Кунгурскую летопись попадает рассказ, иллюстрированный соответствующим изображением, явления небесного воеводы во время битвы с «нечестивыми агарянами» в урочище Березовый Яр [32. С. 10]. В одном из бытовавших в Зауралье апокрифических текстов архангел упоминается как «победитель супостатов». [33. Л. 1].

В образе «Архангел Михаил грозных сил воевода» аборигены Нижнего Приобья могли видеть параллели с собственным религиозным персонажем. Мир-сусне-хум (Мир озирающий человек) у манси выполняет роль посредника между людьми и Торумом [34. С. 15]. У ненцев сходное по функциям и атрибутам божество именовалось Явмалом, у хантов – Орт ики [35. С. 34–35]. На березовской иконе архангел Михаил изображен на крылатом коне. На крылатом же коне Мир-сусне-хум ежедневно парит в облаках над Землей. Важное место в атрибутике Мир-сусне-хума отводится его шапке конической или куполообразной формы [34. С. 17]. На березовской иконе архангел Михаил изображен в княжеской короне, а в изображении на знамени корона имеет куполообразное навершие. Для аборигенов Обского Севера крылья за спиной св. Михаила соответствовали зооморфному облику Мир-сусне-хума («Гусь богатырь») [Там же. С. 15].

Композиция иконы до известной степени отражала иерархию и взаимосвязи языческого пантеона аборигенного населения Нижнего Приобья. На иконе Михаил (Мир-сусне-хум) занимает срединное положение; вверх, в небесах, – Господь (Нуми торум); внизу, на земле, – поверженный дьявол (Куль). Куль отыр первоначально обитал на небесах. Затем Торум изгнал строптивого Куля. Решающая роль в изгнании Куля принадлежала Мир-сусне-хуму. Он поразил Куля стрелой. Поверженный Куль убрался в подземный мир [Там же. С. 23].

По-видимому, со временем архистратиг Михаил был переосмыслен аборигенами как воплощение Мир-сусне-хума. В 1610 г. в Березовском Воскресенском монастыре была освящена одноименная церковь [36. С. 189]. Ее поставили в священной для аборигенов лиственничной роще, которая почиталась еще в конце XIX в. и была посвящена Мир-сусне-хуму [37. С. 417]. В начале XX в. А.А. Дунин-Горкавич записал в юртах Непкиных близ Березова предание, связанное с этим урочищем: «Стали русские просить шаманов, чтобы они от себя просили божество отдать это место для постройки церкви. И сказала божество шаманам: «Теперь здесь поклоняются только те, которые настояще не знают моего Бога, а потом здесь будут поклоняться моему Богу знающие Его и не понимающие. Я должен отдать то место» [38. С. 13–14]. Монолог Мир-сусне-хума может быть истолкован как признание преемственности его культа в христианской вере.

В свою очередь, в народных религиозных представлениях пришлого населения сибирского северо-запада архангел Михаил приобретает со временем черты, явно созвучные аборигенным верованиям: «Огради святыми твоими ангелами, Михаиле Архангел, всякую немочь и всякую зависть, искушение черовства, от волшебства, от черново зверя, от белова медведя (выделено мной. – С.Т.), от действия находящую, от дьявольского (отгоньем) от нево...» – говорится в заговоре «от лихорадки», бытовавшем на Нижнем Иртыше еще в начале 1990-х гг. [39. С. 138]. Белый медведь в этих местах не водится. Там, где он водится, в тундре, у ненцев, «старик Миккулай» был защитником от бурого и белого медведя [27. С. 26]. Финно-угорские мифологические представления впитываются народным православием на Русском Севере еще до начала колонизации Сибири. Свидетельством тому тексты «Олонецкого сборника заговоров», записанные в 1620–1640-е гг., но бытовавшие, конечно, задолго до этого. В сборник вошли заговорные формулы на русском и «карельско-вепсском» языках. Среди мифических персонажей здесь присутствует некий всадник: «...едет из окияна моря человек медян; и конь под ним медян и лук медян, и стрелье медное; и тянет крепок лук и стреляет метко. На мху стоит сосна золотая, на сосны золотой белка золотая. И пострелит медной человек белку золотую и вынимает у ней сердце булатное...» [40. С. 128–129]. Загадочный всадник спешивается в Северном Зауралье. В 1909 г. Д.Т. Яновичем в дельте Оби между Обдорском и р. Щучьей в могилах аборигенов была обнаружена подвеска-бляха с изображением «сцены охоты на белку с луком и стрелами». Еще две бляхи с таким изображением имеются в собрании Ямало-Ненецкого окружного музея и в археологической коллекции УрФУ. На бляхе из собрания УрФУ, найденной на южном Ямале, охотник готовится выстрелить в белку, сидящую на дереве [41. С. 12–13].

В «Олонецком сборнике» упоминается персонаж, по своим функциям и внешнему виду явно перекликающийся с образом Мир-сусне-хума: «Ездит тот муж золот на золотом коне от востока и до запада, от севера и до лета, а поднимается на небо на воздуши, а страстит под собою землю и воду, и люди худые...» [40. С. 133]. Одна из ипостасей Мир-сусне-хума – «золотой человек». Его конь имеет золотую гриву и серебряные копыта. Мир-сусне-хум не только установил нормы человеческого бытия, но и следит за их соблюдением. [42. С. 183]. Насколько далеко зашел процесс христианско-языческого синкретизма в случае архангела Михаила – Мир-сусне-хума, возможно, свидетельствует следующий эпизод. В 1900 г. в церкви с. Чемашево Березовского уезда было изъято и отправлено в Тобольск деревянное распятие. Вместо Иисуса Христа на распятии находился некий ангел «...с распростертыми руками» [43. Л. 474–474 об.].

Так закладывались основы локальной версии народного православия русских сибиряков и традиции двоеверия аборигенов, а святой крылатый всадник Михаил (Мир-сусне-хум) продолжил свое победное движение «встреч солнцу». В Сибири известны лишь единичные иконы архистратига Михаила, изобража-

ющие его пешим в рост или по пояс [26. С. 165]. На Урале и в Западной Сибири в целом культ архангела Михаила по значимости уступал лишь Спасителю, Богородице и св. Николаю [30. С. 163]. В Северном Зауралье Архангел Михаил по почитаемости (по количеству церковных престолов) также уступал только указанным выше персонажам священной истории [39. С. 3–37].

В мифологии обских угров присутствовало всегда, а под влиянием христианства усилилось представление о триаде главных божеств, выделяющихся из сонма богов и духов. Нуми-торум представлялся как Бог-отец, или как св. Николай. Мир-сусне-хум – Христос. Богиня Калташ, супруга Торума и мать Мир-сусне-хума, – Богородица [44. С. 137, 225; 45. С. 285–286]. В этой связи не выглядит случайным, что своей «древностью и величием» отличались еще две иконы Воскресенского собора Березова – «Нерукотворного Спасителя» и «Казанской Божьей Матери». Считалось, что эти иконы ранее находились в иконостасе самой первой церкви [46. С. 504]. В 1750 г. на проезжей башне Березовского острога «висели... первый образ Нерукотворенный Господа Бога Иисуса... второй образ Пресвятыя Богородицы Знамения, третий образ святого архистратига Михаила» [47. Л. 1–1 об.].

В 1892 г. в Березове было отпраздновано 300-летие города. Во время праздничного молебна звучали каноны «Спасителю, Божией Матери, св. Архистратигу Михаилу и святителю Николаю...», т.е. прославлялась местнотчимая православная традиция Березовского

края [48. С. 281–282]. Эта же традиция просматривается в посвящении церковных престолов и почитании икон в Северном Зауралье в целом. В Троицкой церкви Кординского (Кондинского) монастыря, самого значимого центра православия в Нижнем Приобье, в 1673 г. «местными иконами» являлись: «Живоначная Троица», «Воскресение Христово», «Успение Пресвятыя Богородицы», «Чудо архистратига Михаила», «Никола Чудотворец», «Собор Иоанна Предтечи» [49. С. 520–521]. В Малоатлымском храме во имя Преображения господня (основан между 1714 и 1716 гг.) «особенно выделялись прихожанами иконы Спасителя и Божьей Матери» [50. С. 256]. В храме имелся придел во имя архангела Михаила, а значит, и соответствующая храмовая икона [51. Л. 9, 31]. В с. Мужы, в храме во имя св. Архистратига Михаила и прочих Бесплотных сил, в 1884 г. были освящены престолы: «Архистратига Михаила, Благовещения Пресвятой Богородицы и Святителя и Чудотворца Николая» [1. Л. 116 об., 141].

Таким образом, широко распространившееся в Сибири представление о «сродстве с ермаковыми казаками» сформировалось в связи с фольклорной трактовкой истории сибирской экспедиции Ермака и под влиянием интересов служилого сословия. Сутью сакральной составляющей самосознания являлся синкретизм народного православия пришлого населения (русские, финно-угоры Русского Севера) и верований аборигенов тайги и тундры, вылившийся, в частности, в устойчивые местные православные традиции и культы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (ГБУТО ГАТ). Ф. 716. Оп. 1. Д. 26.
2. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск : Наука, 1991. 401 с.
3. Летопись сибирская. СПб. : Тип. Департамента народного просвещения, 1821. 82 с.
4. Шашков А.Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Екатеринбург : Волот, 2001. Вып. 4: Евразийское пограничье. С. 8–51.
5. Никитин Н.И. Сора́тники Ермака после «сибирского взятия» // Проблемы истории России. Екатеринбург : Волот, 2001. Вып. 4: Евразийское пограничье. С. 51–87.
6. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М. : Наука, 1972. 392 с.
7. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII–XVIII в. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1946. 228 с.
8. Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург : Уральский рабочий, 2018. 502 с.
9. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М. : Наука, 1982. 224 с.
10. Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск : Наука, 1986. 252 с.
11. Ромодановская Е.К. Строгановы и Ермак // История СССР. 1976. № 3. С. 139–148.
12. Вершинин Е.В. Русские старожилы Березова (XVII–XVIII вв.) // Русские старожилы. Тобольск–Омск : Омск. гос. пед. ун-т, 2000. С. 271–274.
13. Сибирские летописи : издание императорской Археографической комиссии. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1907. 464 с.
14. Блажес В.В. Фольклор Урала: народная история о Ермаке (исследование и тексты). Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. 186 с.
15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 159. Д. 138.
16. Ермак Тимофеевич: славный сын земли русской : летописные материалы, народные песни, предания / сост. и авт. примеч. В.П. Кругляшова. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989. 129 с.
17. Балюк Н.А., Зайцев Г.С., Туров С.В. и др. Ермак – гордость России : краткий исторический справочник. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2016. 344 с.
18. Отдел рукописей РГБ. Ф. 542. Картон № 80. Ед. хр. 11.
19. Солодкин Я.Г. Казачество Северо-Западной Сибири на рубеже XVI–XVII столетий : очерки ранней истории. Нижневартовск : Изд-во Нижневартовск. гос. ун-та, 2018. 142 с.
20. Жеребцов И.Л. Коми – жители первых западносибирских городов в конце XVI – первой четверти XVII вв. // Культурное наследие Азиатской России. Тобольск : Тобольск. гос. пед. ин-т, 1997. С. 77–78.
21. История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней / отв. ред. Д.А. Редин. Екатеринбург : Волот, 1999. 466 с.
22. Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60–70-е гг. XIX века) / сост. и коммент. В.Я. Темплинг; вступ. ст. и коммент. С.В. Турова. Тюмень : Изд-во Юрия Мандрики, 2002. 224 с.
23. Абрамов Н.А. О церквях города Березова от основания его до настоящего времени // Тобольские губернские ведомости. 1859. № 9. С. 32–37.
24. Катанаев Г. Справка о старых знаменах // Сибирские войсковые ведомости. 1916. № 2, 3.
25. Почитание святителя Николая Чудотворца и его отражение в фольклоре, письменности и искусстве. М. : М-Сканрус, 2007. 255 с.
26. Велижанина Н.Г. У истоков сибирской иконописи // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири. XVIII – начало XX в. Новосибирск : Наука, 1985. С. 155–170.

27. Хомич Л.В. Влияние христианизации на религиозные представления и культы ненцев // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири. Л. : Наука, 1979. С. 25–28.
28. Перевалова Е.В. Атых Микола-Торум (Милостивый бог Николай) // Уральский исторический вестник. 2008. № 4 (21). С. 119–130.
29. Быкова В.М. О почитании архангела Михаила на Севере (текстологическая характеристика Чуда в Хонех) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Петрозаводск : Изд-во Карельского науч. ц-тра РАН, 2003. С. 349–352.
30. Белобородов С.А. «Кто, яко Бог?» (к истории почитания Архангела Михаила на Урале и в Западной Сибири) // Архангел Михаил : альбом-каталог. Екатеринбург : Локомотив, 2009. С. 149–165.
31. Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков / отв. ред. А.Л. Топорков, А.А. Турилов. М. : Индрик, 2002. 584 с.
32. Краткая Сибирская летопись (Кунгурская). СПб. : Тип. Ф.Г. Елеонского и К^о, 1880. 52 с.
33. Древлехранилище ЛАИ УрГУ. Кировское (XVII) собр. 112р / 4411.
34. Зенько А.П. Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров. Новосибирск : Наука, 1997. 152 с.
35. Головнев А.В. Смотрящий за миром // Самодийцы : материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск–Омск : Омский гос. пед. ун-тет, 2001. С. 34–35.
36. Шашков А.Т. К истории Воскресенского монастыря и церкви города Березова // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2004. Вып. 8, № 33. С. 187–203.
37. Гондатти Н.Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири // Пархимович С.Г., Туров С.В. Выдающиеся губернаторы тобольские и сибирские. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 2000. С. 404–444.
38. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север : в 3 т. М. : Либерия, 1996. Т. 3. 208 с.
39. Туров С.В. Русское Северное Зауралье. Церковно-исторические и этнологические очерки. Салехард : Красный Север, 2006. 143 с.
40. Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / сост. и комм. А.Л. Топорков. М. : Индрик, 2010. 832 с.
41. Малоземова О.В. Русские художественные бронзы на севере Западной Сибири // Научный вестник. Салехард : Департ. информ. и соц.-пол. исслед. Адм. ЯНАО, 2002. Вып. 9. С. 10–16.
42. Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск : Наука. 1990. 232 с.
43. ГБУТО ГАТ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 35.
44. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов : в 3 т. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. Т. 2. 284 с.
45. Отчет Тобольского епархиального комитета высочайше утвержденного православного миссионерского общества за 1888 г. // Тобольские епархиальные ведомости. 1889. № 11–12. С. 276–289.
46. Абрамов Н.А. Исторические сведения о церквях города Березова // Известия Императорского археологического общества. 1861. Т. 3. С. 328–332.
47. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1, ч. 8. Д. 6046.
48. Путинцев М. Юбилейное торжество в г. Березове // Тобольские епархиальные ведомости. 1892. № 13–14. С. 279–283.
49. Акишин М.О. Материалы к истории Кондинского Троицкого монастыря. XVII в. // Российское государство в XIV–XVII вв. СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. С. 509–532.
50. Соколов А. Из дневника ханды-батюха // Тобольские епархиальные ведомости. 1910. № 11. С. 251–257.
51. ГБУТО ГАТ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 202 а.

Sergei V. Turov, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: svtur57@mail.ru

EARTH AND SKY EQUITES OF THE BEREZOV CITY: THE QUESTION OF MYTHO-EPIC TRADITION IN THE HISTORICAL CONSCIOUSNESS OF THE RUSSIAN POPULATION IN ASIAN PART OF RUSSIA (XVII – EARLY XX CENTURY)

Keywords: Northern Trans-Urals; Russian North; Yermak; Cossacks; folklore; ethno-cultural interaction.

The aim of this article is to explore the mytho-epic tradition role in the identity formation of the population of Asian part of Russia.

The methodological basis of the research is a systematic approach that allows us to present social consciousness as a system consisting of structured elements that integrate society in accordance with their functions. Reconstruction of the historical identity in the pre-industrial era involves the use of not only written sources, but also folklore, religious beliefs, and toponymy. In the administrative and religious center of the Lower Ob region, city Berezov, there were ancestral traditions about “descendants of the Yermak Cossacks” among the service class. The basis for forming such ideas was the popular story of the “Yermak’s capture of Siberia” as well as the desire to get a promotion or to keep a social status. As a result the inhabitants of many villages and rural areas from the Urals to the Yenisei considered themselves as a descendants of Yermak’s Cossacks. Images on the gonfanons and subjects of icons that were supposedly brought to Berezov by Yermak’s Cossacks are evidence of the sacred component of self-consciousness folding. The “Yermak’s gonfanon” depicts Michael the Archangel in the image of the “Terrible warlord”. In the same image he is depicted on one of the “Yermak icons”. The second icon is “Nikola Mozhaysky”. Saint Nicholas was considered as the patron saint of travelers, sailors and merchants in the North Russia and Siberia. Michael the Archangel was perceived as the patron saint of soldiers. The Trans-Urals and then Siberia were inhabited by people from the Russian North, where there were many representatives of the Finno-Ugric peoples.

Analyzing the folklore of the Russian North and the Northern Trans-Urals, the author comes to the conclusion that the “folk Orthodoxy” of the newcomer population of the Berezovsky region contains Finno-Ugric religious motives. On the other hand, under the influence of the Christian message, the Ob Finno-Ugric’s idea of the main deities triad, which had existed before, became stronger. The next step was to rethink this triad in Christian images. The subjects of the “Yermak” icons were corresponded to the essence of the aboriginal religious representations. (Mansi, Khanty, Nenets) The “Russian God Nikola” was perceived as one of the numi-Torum incarnations – the presiding deity and Michael the Archangel practically had a complete iconic and functional coincidence with Mir-susne-Hume, the son of numi-Torum. In this regard, another ancient icon - the mother of God, fit into pagan ideas as the wife of numi-Torum and mother of Mir-susne-huma-Kaltas-ekva. There is how the local Orthodox tradition was developed, which has been repeatedly reflected on the level of venerated icons and dedications of Church thrones throughout the entire review period.

REFERENCES

1. The State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). Fund 716. List 1. File 26.
2. Aleksandrov, V.A. & Pokrovsky, N.N. (1991) *Vlast' i obshchestvo: Sibir' v XVII v.* [Power and Society: Siberia in the 17th century]. Novosibirsk: Nauka.
3. Spassky, G. (1821) *Letopis' sibirskaya* [The Siberian Chronicle]. St. Petersburg: Department of Public Education.
4. Shashkov, A.T. (2001) Nachalo prisoeдинeniya Sibiri [The beginning of Siberia's accession]. In: Shashkov, A.T. et al. *Problemy istorii Rossii* [Problems of Russian History]. Vol. 4. Ekaterinburg: Volot. pp. 8–51.

5. Nikitin, N.I. (2001) Soratniki Ermaka posle "sibirskogo vzyatiya" [Ermak's Companions after the "Siberia's accession"]. In: Shashkov, A.T. et al. *Problemy istorii Rossii* [Problems of Russian History]. Vol. 4. Ekaterinburg: Volot. pp.51–87.
6. Preobrazhensky, A.A. (1972) *Ural i Zapadnaya Sibir' v kontse XVI – nachale XVIII v.* [Ural and Western Siberia in the late 16th – early 18th century]. Moscow: Nauka.
7. Shunkov, V.I. (1946) *Ocherki po istorii kolonizatsii Sibiri v XVII–XVIII v.* [Essays on the History of Siberian Colonization in the 17th – 18th Century]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
8. Vershinin, E.V. (2018) *Russkaya kolonizatsiya Severo-Zapadnoy Sibiri v kontse XVI–XVII vv.* [Russian colonization of North-Western Siberia at the end of the 16th – 17th centuries]. Ekaterinburg: Ural'skiy rabochiy.
9. Zhrebetsov, L.N. (1982) *Istoriko-kul'turnye vzaimootnosheniya komi s sosednimi narodami* [Komi's historical and cultural relations with neighbours]. Moscow: Nauka.
10. Skrynnikov, R.G. (1986) *Sibirskaya ekspeditsiya Ermaka* [Ermak's Siberian Expedition]. Novosibirsk: Nauka.
11. Romodanovskaya, E.K. (1976) Stroganovy i Ermak [The Stroganovs and Ermak]. *Istoriya SSSR*. 3. pp. 139–148.
12. Vershinin, E.V. (2000) Russkie starozhily Berezova (XVII–XVIII vv.) [Russian old-timers of Berezov (the 17th – 18th centuries)]. In: Chernaya, M.P. et al. *Russkie starozhily* [Russian old-timers]. Tobolsk; Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 271–274.
13. Imperial Archaeographic Commission. (1907) *Sibirskie letopisi* [Siberian Chronicles]. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov.
14. Blazhes, V.V. (2002) *Fol'klor Urala: narodnaya istoriya o Ermake (issledovanie i teksty)* [Folklore of the Urals: a Folk Story about Ermak (Research and Texts)]. Ekaterinburg: Ural State University.
15. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 159. List 1. File 138.
16. Kruglyakova, V.P. (ed.). (1989) *Ermak Timofeevich: slavnnyy syn zemli russkoy : letopisnye materialy, narodnye pesni, predaniya* [Ermak Timofeyevich – a glorious son of the Russian land. Chronicles, folk songs, legends]. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo.
17. Balyuk, N.A., Zaytsev, G.S., Turov, S.V. et al. (2016) *Ermak – gordost' Rossii : kratkiy istoricheskiy spravochnik* [Ermak as a pride of Russia: a brief historical guide]. Tyumen: Tyumen State University.
18. The Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 542. Box No. 80. File 11.
19. Solodkin, Ya.G. (2018) *Kazachestvo Severo-Zapadnoy Sibiri na rubezhe XVI–XVII stoletiy : ocherki ranney istorii* [The Cossacks of North-Western Siberia at the turn of the 16th – 17th centuries: essays on the early history]. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University.
20. Zhrebetsov, I.L. (1997) Komi – zhiteli pervykh zapadosibirskikh gorodov v kontse XVI – pervoy chetverti XVII vv. [Komi-residents of the first West Siberian cities in the late 16th – first quarter of the 17th centuries]. In: *Kul'turnoe nasledie Aziatskoy Rossii* [Cultural heritage of Asian Russia]. Tobolsk: Tobolsk State Pedagogical Institute. pp. 77–78.
21. Redin, D.A. (ed.) (1999) *Istoriya Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga s drevnosti do nashikh dnei* [History of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug from old times to the present days]. Ekaterinburg: Volot.
22. Templing, V.Ya. & Turov, S.V. (eds) (2002) *Putevye zhurnaly missionerov Obdorskoy missii (60–70-e gg. XIX veka)* [Travel journals of missionaries of the Obdorsk mission (1860–70s)]. Tyumen: Yuri Mandrika.
23. Abramov, N.A. (1859) O tserkvakh goroda Berezova ot osnovaniya ego do nastoyashchego vremeni [About the churches of the city of Berezov from its foundation to the present days]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti*. 9. pp. 32–37.
24. Katanaev, G. (1916) Spravka o starykh znamenakh [Reference on old banners]. *Sibirskie voyskovye vedomosti*. 2, 3.
25. Rybakov, A.A. (ed.) (2007) *Pochitanie svyatitelya Nikolaya Chudotvortsia i ego otrazhenie v fol'klоре, pis'mennosti i iskusstve* [Veneration of /St. Nicholas the Wonderworker and his reflection in folklore, writing and art]. Moscow: M-Skanrus.
26. Velizhanina, N.G. (1985) U istokov sibirskoy ikonopisi [At the origins of the Siberian icon painting]. In: Minenko, N.A. & Rusakova, L.M. (eds) *Kul'turno-bytovye protsessy u russkikh Sibiri. XVIII – nachalo XX v.* [Cultural and everyday processes among the Russians of Siberia. The 18th – early 20th century]. Novosibirsk: Nauka. pp. 155–170.
27. Khomich, L.V. (1979) Vliyaniye khristianizatsii na religioznye predstavleniya i kul'ty nentsev [Influence of Christianization on religious representations and cults of the Nenets]. In: Vdovin, I.S. (ed.) *Khristianstvo i lamaizm u korennogo naseleniya Sibiri* [Christianity and Lamaism among the indigenous population of Siberia]. Leningrad: Nauka. pp. 25–28.
28. Perevalova, E.V. (2008) Atykh Mikola-Torum (Milostivyy bog Nikolay) [Atykh Mikola-Torum (Merciful God Nikolay)]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 4(21). pp. 119–130.
29. Bykova, V.M. (2003) O pochitanii arkhangelа Mikhaila na Severe (tekstologicheskaya kharakteristika Chuda v Khonekh) [On the veneration of the Archangel Michael in the North (textual characteristics of the Miracle in Khonekh)]. In: Ivanova, T.G. (ed.) *Lokal'nye traditsii v narodnoy kul'ture Russkogo Severa* [Local traditions in the folk culture of the Russian North]. Petrozavodsk: Karelian Academic Center of RAS. pp. 349–352.
30. Beloborodov, S.A. (2009) "Kto, yako Bog?" (k istorii pochitaniya Arkhangelа Mikhaila na Urale i v Zapadnoy Sibiri) ["Who, like God?" (On veneration of the Archangel Michael in the Urals and Western Siberia)]. In: *Arkhangel Mikhail: al'bom-katalog* [Archangel Michael. Album-catalogue]. Ekaterinburg: Lokomotiv. pp. 149–165.
31. Toporkov, A.L. & Turilov, A.A. (eds) (2002) *Otrechennoe chtenie v Rossii XVII–XVIII vekov* [Abnegated reading in Russia of the 17th – 18th centuries]. Moscow: Indrik.
32. Remezov, S.U. & Zost, A. (1880) *Kratkaya Sibirskaya letopis' (Kungurskaya)* [A Short Siberian Chronicle (Kungur)]. St. Petersburg: F.G. Eleonsky and Co.
33. The Ancient Archive of Archeographic Research Laboratory of the Ural State University (Drevlehranilische LAI UrGU). The Kirov Collection (XVII). 112 p / 4411.
34. Zenko, A.P. (1997) *Predstavleniya o sverkh"estestvennom v traditsionnom mirovozzrenii obskikh ugrov* [Representations of the supernatural in the traditional worldview of the Ob Ugrians]. Novosibirsk: Nauka.
35. Golovnev, A.V. (2001) [Watching the world]. *Samodiytsy* [The Samoyeds]. Proc. of the Sixth Symposium on the Cultural Heritage of the Western Siberia Peoples. Tobolsk; Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 34–35. (In Russian).
36. Shashkov, A.T. (2004) K istorii Voskresenskogo monastyr'a i tserkvey goroda Berezova [To the history of the resurrection monastery and churches of Berezov]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki – IZVESTIA. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 8(33). pp. 187–203.
37. Gondatti, N.L. (2000) Sledy yazychestva u inorodtsev Severo-Zapadnoy Sibiri [Traces of paganism among the North-Western Siberia's non-native peoples]. In: Parkhimovich, S. G. & Turov, S.V. *Vydayushchiesya gubernatory tobol'skie i sibirskie* [Outstanding governors of Tobolsk and Siberia]. Tyumen: Yu. Mandrika. pp. 404–444.
38. Dunin-Gorkavich, A.A. (1996) *Tobol'skiy Sever: v 3 t.* [North of Tobolsk Province. In 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Liberia.
39. Turov, S.V. (2006) *Russkoe Severnoe Zaural'e. Tserkovno-istoricheskie i etnologicheskie ocherki* [Russian Northern Trans-Urals. Church-historical and ethnological essays]. Salekhard: Krasnyy Sever.
40. Toporkov, A.L. (ed.) (2010) *Russkie zagovory iz rukopisnykh istochnikov XVII – pervoy poloviny XIX v.* [Russian conspiracies from handwritten sources of the 17th – first half of the 19th century]. Moscow: Indrik.
41. Malozemova, O.V. (2002) Russkie khudozhestvennye bronzy na severe Zapadnoy Sibiri [Russian artistic bronzes in the North of Western Siberia]. *Nauchnyy vestnik*. 9. pp. 10–16.
42. Gemuev, I.N. (1990) *Mirovozzrenie mansi: Dom i Kosmos* [Mansi's Worldview: Home and Space]. Novosibirsk: Nauka.
43. The State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). Fund 716. List 1. File 35.

44. Karjalainen, K.F. (1995) *Religiya yugorskikh narodov: v 3 t.* [Religion of the Ugric peoples. In 3 vols]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
45. Tobolsk Diocesan Committee. (1889) Otchet Tobol'skogo eparkhial'nogo komiteta vysochayshe utverzhdennogo pravoslavnogo missionerskogo obshchestva za 1888 g. [Report of the Tobolsk Diocesan Committee of the most highly approved Orthodox missionary society for 1888]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti.* 11-12. pp. 276–289.
46. Abramov, N.A. (1861) . Istoricheskie svedeniya o tserkvakh goroda Berezova [Historical information about the churches in Berezov]. *Izvestiya Imperatorskogo arkheologicheskogo obshchestva.* 3. pp. 328–332.
47. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. Part 8. File 6046.
48. Putintsev, M. (1892) Yubileynoe torzhestvo v g. Berezove [Berezov city jubilee celebration]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti.* 13-14. pp. 279–283.
49. Akishin, M.O. (2002) Materialy k istorii Kondinskogo Troitskogo monastyrya. XVII v. [Materials for the the Kondinsky Trinity monastery history. The 17th century]. In: Pavlov, A.P. (ed.) *Rossiyskoe gosudarstvo v XIV–XVII vv.* [The Russian state in the 14th – 17th centuries]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 509–532.
50. Sokolov, A. (1910) Iz dnevnika khandy-bat'ko [From the diary of handa-the old man]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti.* 11. pp. 251–257.
51. The State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). Fund 353. List 1. File 202 a.